

**КАЗАНСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИХ НАУК И МАССОВЫХ
КОММУНИКАЦИЙ**

Кафедра социальной философии

Н.А. Смирнов

ЧЕЛОВЕК В МИРЕ САКРАЛЬНОГО
Учебно-методическое пособие

Казань – 2023

УДК 130.2

ББК 87.6

Л 55

Рекомендовано к печати на заседании учебно-методической
комиссией ИСФНиМК КФУ

Протокол № 5 от 10 марта 2023 года

Автор: Смирнов Н.А., кандидат философских наук, старший преподаватель
кафедры социальной философии

Рецензент: доктор философских наук, исполняющая обязанности
заведующего кафедрой социальной философии КФУ Т.М. Шатунова

Л 55 Смирнов Н.А. Человек в мире сакрального / Смирнов Н.А. – Казань:
Казанский федеральный университет, 2023. – 23 с

В пособии рассматривается феномен священного и внутренние (феноменологические) условия возможности сакрального опыта. Ключевым образом здесь будет образ странности (странничества) как онтологического расположения человека в мире. Обсуждается описанная немецкими романтиками фигура поэта-философа-жреца, хранящего в едином философско-поэтически-религиозном опыте святость жизни. Материалом служат фрагменты поэтических и философских работ В.В. Биbihина, Новалиса, Ж.Л. Мариона а также фрагменты древнеиндийского религиозно-философского трактата «Брихадараньяка-Упанишада». Предназначено для студентов, обучающихся по направлению 47.03.01 – Философия.

© Смирнов Н.А., 2023

Содержание

Странное	5
В.В. Бибихин «Грамматика поэзии»	5
Новалис «Цветочная пыльца»	8
Брихадараньяка-Упанишада, III, 7	15
Ж.Л. Марион «Идол и дистанция»	18

Странное.

В основании поэтического и философского опыта лежит исходная странность человеческого взгляда – мы именуем, думаем, видим уже находясь вовне того, чему даём имя, мысль и взгляд. Забывая это, мы упускаем необыкновенность жизни, приспособляемся к ней, осваиваем её, не замечая *странности* своего положения – мы в стороне, пришли со стороны, не замечая странности всего вокруг – всё это не моё и не я, всё вокруг другое, чем то, чем я обладаю, говорю, думаю. Мы вынесены вовне себя, сами не свои. Расстояние между собой и самим собой – это расстояние бесконечности. Простор, равный пространству между землей и небом, который вмещает всё и всему даёт свободу. Этот простор мы забываем и можем восстановить его в просторе метафоры, стиха, философского размышления.

Для Новалиса поэт, философ и священник (жрец) – одно лицо, и дело, которое они делают – одно. Это дело восстановления сакрального существа жизни, хранения и возвращения её нежной тайны, оставленной быть тайной. Поэт, священник и философ – те, кто остаются стоять перед алтарными воротами, не открывая их, не вторгаясь в место жертвоприношения, не вмешиваясь в священнодействие, в теургический акт жизни, но оставаясь его свидетелем. Это означает быть в странности, оставаться в странном положении (в котором мы, вместе с тем, всегда и находимся, даже если не замечаем этого и не делаем для этого ничего специально), быть в стороне, быть странником. В древнеиндийской духовной традиции большое значение имела фигура странника, саньясина – странствующего аскета, который ушёл по ту сторону каких-либо определенностей, границ, идентичности (он больше не мужчина, не воин и т.д., по большому счёту – не человек, никто, не имеет знаков, признаков, по которым его можно было бы узнать), и стал всем, тем, кто вместит всё существующее. Этой фигуре саньясина соответствует в текстовой (философско-религиозно-поэтической) реальности образ Атмана, описанный в Упанишадах. Атман – абсолютный субъект (мысли, чувства, вообще опыта), странный, сторонний, не объективируемый, не бывающий (не могущий быть) предметом. Это и есть единый субъект философского, поэтического, религиозного творчества.

В.В. Бибихин. Грамматика поэзии.

Прочитайте фрагменты лекционного курса В.В. Бибихина «Грамматика поэзии». Ответьте на вопросы:

1. Почему Новалис (Бибихин) говорит о философии как о поэтической грамматике? Что это означает для философии, а что для поэзии?
2. Что такое *остранение*, *странность* как фундаментальные свойства поэтического, философского (человеческого) опыта?
3. Как связаны *странность* поэтико-философского взгляда и размышления Новалиса о «заветных вещах», о которых нужно говорить только в интимные, особые моменты?
4. Каков смысл и назначение поэзии по Новалису (Бибихину)?

Уже несколько лет я часто вспоминаю и не могу разгадать афоризм Новалиса, «философия это грамматика поэзии». Новалис, как он себя назвал в литературе, Георг Филипп Фридрих фон Харденберг, — его главный представитель в русской литературе поэт Вячеслав Ив. Иванов, возможно через Шарля Бодлера, в американской Эдгар По, дальше Метерлинк, все конгениальные ему умы, поднимавшие рассеянные им семена, — для Новалиса главное было обозначить, разметить догадками всё пространство мира,

*Freunde, der Boden ist arm, wir müssen reichlichen Samen
Ausstreun, daß uns doch nur mäßige Ernten gedeihn —*

родился в 1772-м, думал, писал и жил безусловно гениально и умер, двадцативосьмилетним, от туберкулеза, через четыре года после того как умерла пятнадцатилетняя София фон Кюн, аббревиатура вселенной, посредник между богами и людьми, обещание спасения земли. После ее смерти отдать себя человечеству в верности до смерти должен был он сам. Его краткий лихорадочный расцвет и надрыв, условно можно говорить «надрыв романтизма», в те же самые годы что у Гёльдерлина, что у Шеллинга, и у Гегеля, были кратким и уже с тех пор никогда не повторившимся в такой ясности обещанием новой эпохи, которую и сейчас мы тоже ожидаем.

*Вселенная устроена софией, красотой и художеством, она женственная, поэтому ее настоящее, высшее и правдивое познание поэзия. Поэзия такое познание, с восстановлением родового, генетического значения этого слова, которое живое порождение, рождение самой жизни. Поэтому поэтическая физика Гёте, прежде всего его *Farbenlehre*, выше науки: она действие, конструкция, а наука только абстракция от объекта. Настоящая наука философия, и наука поэта Гёте — прикладная, практическая философия, *wie denn jeder echte Künstler von jeher nichts anders war* (*Vorarbeiten zu verschiedenen Fragmentsammlungen, Nr. 445*).*

Художник таким образом философ. Формула «философия грамматика поэзии» расширяется, но остается неразвернутой, осложняется. В продолжении последнего

цитированного фрагмента кроме прикладной практической у поэтов и художников есть чистая философия. Она отдельное, самостоятельное искусство. Художник практический, прикладной философ, и чистой философией он не обязан заниматься. Но чистая философия на своих путях как самостоятельное искусство — тоже практическая, т. е. она тоже решающее действие в мире, создание жизни мира, только она уже не прикладная.

Вы видите, что симметрии, такой, как у Гёльдерлина, у которого поэзия и философия две соседние вершины, разделенные бездной, как будто бы не получается: только философия может быть чистой и состоять, так сказать, из самой себя. Поэзия нуждается в философии как в своей грамматике. Но философия не внешняя поэзии, потому что она сам человек, т. е. получается, что и поэзия и ее грамматика, прикладная философия, это два луча, или два света одного и того же существа.

Der Mensch hat immer symbolische Philosophie seines Wesens in seinen Werken und seinem Tun und Lassen ausgedrückt. — Er verkündigt sich und sein Evangelium der Natur. Er ist der Messiah der Natur (Das Allgemeine Brouillon, Nr. 52).

В этом смысле, что Христос существо человека, поэт и священник одно.

Dichter und Priester waren im Anfang eins, und nur spätere Zeiten haben sie getrennt. Der echte Dichter ist aber immer Priester, so wie der echte Priester immer Dichter geblieben. Und sollte nicht die Zukunft den alten Zustand der Dinge wieder herbeiführen? (Blütenstaub, 71).

Может быть, мы не впервые встречаем эти слова, но Гарденберг звучит весомее многих, к нему мы должны прислушаться, он из тех ясновидцев, которые знают, что и зачем говорят. Свойство такой речи, что она нам неожиданно светит, например сегодня мы попробуем заглянуть в древний памятник, Ригведу, и слова Гарденберга о тождестве священника и поэта вдруг неожиданно заработают, хотя и всё равно останутся загадкой. И еще свойство такой речи: она неожиданно дарит, так что мы можем не заметить, как нам станет нечаянно лучше, или заметим и не поймем причины и способа, как она это делает.

О том же единстве: Ein vollkommner Repräsentant des Genius der Menschheit dürfte leicht der echte Priester und der Dichter kat' ἐξοχήν sein (Blütenstaub, 76).

Слов Гёльдерлина, *dichterisch wohnt der Mensch auf dieser Erde*, Новалис не говорит только потому, что для него это само собой разумеется: ему в голову не приходит это сказать, как он не замечает воздух, которым дышит. Поэзия, рождение жизни, и значит, как Гарденберг обычно говорит, *Treue und Liebe*, эта пара, — закон всего, *Die Menschenwelt ist das gemeinschaftliche Organ der Götter. Poesie vereinigt sie, wie uns (Blütenstaub 110).*

Практика поэзии — это спасение, человека и через него как мессии (Христа) природы. *Poesie ist die große Kunst der Konstruktion der transzendentalen Gesundheit.* (Конструкция большое слово всей романтики, это переход от анализа к творчеству.) *Der Poet ist der transzendentaler Arzt. Die Poesie schaltet und waltet mit Schmerz und Kitzel — mit Lust und Unlust — Irrtum und Wahrheit — Gesundheit und Krankheit — sie mischt alles zu ihrem großen Zweck der Zwecke — die ERHEBUNG DES MENSCHEN ÜBER SICH SELBST (1798, цит. по: Hans-Dietrich Dahnke, Einleitung // Novalis. Werke in einem Band. Aufbau-Verlag Berlin und Weimar, 1983, S. XVII).*

*Мир снова и снова отпадает от своего начала и существования, верности и любви, и поэзия каждый раз берет его уже как хаос, лес (материю), чтобы создать мир заново. В этом смысле поэзия магия: то, что, казалось бы, уже разошлось, расплзлось выполнять свои частные, химические, физические, психологические законы, безнадежно рассеялось на холоде вне луча *Treue und Liebe*, — т. е. совершенно ясно видно глазами, что безвозвратно расплылось, — вдруг оказывается, что поэзия это снова возвращает к *Treue und Liebe*. Поэт прототип человека, но вот что: не как первый Адам, который когда-то был, а прототип сейчас, по которому всё образуется.*

Das ganze Menschengeschlecht wird am Ende poetisch. Neue goldne Zeit [...] Menschen, Tiere, Pflanzen, Steine und Gestirne, Flammen; Töne, Farben müssen hinten zusammen, wie eine Familie oder Gesellschaft, wie ein Geschlecht handeln und Sprechen (в набросках к неоконченной последней вещи, Генрих фон Офтердинген, Новалис писал Афтердинген — о легендарном миннезингере XIII века, при императоре Фридрихе II, с точным выбором эпохи: это неповторимое, настоящее возрождение, средневековое, может быть самая сильная попытка культуры дворца, императора, светской идеологии, поэзии пересилить культуру церкви, благочестия, гвельфизма, богословия).

Может быть, еще важнее причина, кроме краткости времени и гениальной способности охватить всё, почему Гарденберг говорит о главных вещах как будто скользя, намеком, — это стыд сказать главные вещи из-за опасности сказать неосторожно.

Blütenstaub 23: Scham ist wohl ein Gefühl der Profanation. Freundschaft, Liebe und Pietät sollten geheimnisvoll behandelt werden. Man sollte nur in seltenen, vertrauten Momenten davon reden, sich stillschweigend darüber einverstehen. Vieles ist zu zart, um gedacht, noch mehreres, um besprochen zu werden.

Стыдно говорить, потому что нарушение святого, о чём надо молчать, подстерегает, на каждом шагу мы можем поскользнуться, сорваться. Об этом в следующей «Цветочной пыли» (24):

Selbstentäußerung ist die Quelle aller Erniedrigung, so wie im Gegenteil der Grund aller echten Erhebung.

Вынесение себя во вне себя, у Маркса это превратится в однозначное «отчуждение». У Гегеля отчуждение глубоко и интересно, это овнешнение, вынесение вовне как отодвигание, отрешенность, освобождение. У Новалиса «овнешнение» в совсем широком смысле, как всякий взгляд со стороны, то, что по-русски удобно назвать странностью, сторонностью от самого себя. Всякое называние, именование такое отстранение. Оно сначала потеря себя, понижение и унижение. Но через это нужно пройти, потому что иначе не будет возвышения.

Der erste Schritt wird Blick nach Innen, absondernde Beschauung unsers Selbst. Wer hier stehnbleibt, gerät nur halb. Der zweite Schritt muß wirksamer Blick nach Außen, selbsttätige, gehaltene Beobachtung der Außenwelt sein.

Этот риск непопадания неизбежен, потому что с первого шага, произнеся поэзия, мы-то трезво, в отличие от тех кто при этом слове оцущает приятную томность, понимаем что сразу eo ipso оказываемся за дверью, словно в храме перед нами закрываются царские врата и еще за ними затягивается завеса. Поэзия название таинства, вне которого мы просто потому, что произносим это слово. От нас за семью замками совершается жертвоприношение. Как поэт поет, мы не знаем; как он

слышит или подбирает слова, нам не удавалось, хотя мы пробовали. Не получается.

Чтобы ощутить дистанцию, представим, что мы запели и вместо говорения час двадцать поем. Представим, что слова и музыка этой песни наши. Для этого мы должны быть в каком-то другом состоянии. Допустим, много выпив. Ища состояние, в каком находились и находятся поэты, мы неизбежно рисуем себе другое состояние, например для ведийской поэзии наркотическое, «наркотическая культура». Такие гипотезы, недоступные проверке, не надо с ними даже заигрывать, но само их существование напоминает о дистанции.

Поэты читают свои стихи всегда намечая хотя бы легкий распев, и они часто напоминают о том, что по крайней мере когда-то поэт и бард, певец был одно. На богослужении, особенно в православном храме, где почти всё, кроме проповеди и молитв читаемых про себя, говорится нараспев, мы как-то придвигаемся к поэтическому настроению.

Отгороженные от поэзии, мы посмотрим отсюда на формулу Новалиса. Мы извне поэзии строим ее философскую грамматику? Или грамматика это грамота, грамотность, так, что мало иметь что сказать, нужно умение, навык? Тогда философия есть в поэзии как ее, поэзии, грамота. Пример: в христианском славословии «достойно есть яко воистину блажити Тя Богородицу... сущую Богородицу Тя величаем». Гимн состоит из того, что певец говорит о себе, что он славит, величает, поет. Первая мандала Ригведы начинается: я воспеваю, или я призываю Агни.

Это простой, может быть азбучный и обязательный шаг поэтической грамотности, может быть первый фильтр поэзии, «овнешнение», снижающее и возвышающее, Новалиса: видение себя всего. Это правило грамотности сформулировано однако не в поэзии, а в философии, узнай себя, и в религии, внемли себе.

Новалис Цветочная пыльца

Прочитайте фрагменты коротких афористических высказываний Новалиса, известных под названием «Цветочная пыльца», и посвященных связи поэзии и философии, основанием (единства) которых является опыт необыкновенного. Ответьте на вопросы:

1. Как связаны в этих фрагментах поэзия и жизнь? Может ли поэзия быть механистичной (безжизненной)?
2. В каком смысле будущее, грядущее, является главным содержанием поэзии и религии Новалиса?
3. Каково место любви в творческом мире Новалиса? Что означают слова «имя возлюбленной – аббревиатура Вселенной»?
4. Как связаны поэтический опыт и неведомое, таинственное? Можно ли сказать, что поэт служит таинственному? И как это связано со странностью поэзии?

Поэзия есть воистину абсолютно Реальное. Это ядро моей философии. Чем поэтичнее, тем истинней.

Сказка подобна канону поэзии. Все поэтическое должно быть сказочным. Поэт поклоняется случаю.

...

Все видимое тяготеет к невидимому, слышимое к неслышимому, осязаемое к неосязаемому. Быть может, мыслимое к неммыслимому.

Первый человек - это первый духовидец. Ему является все в виде духа. Дети - что иное, как не первые люди? Яркий взор ребенка богаче, нежели предчувствие самого отважного провидца.

Мы грезим о странствиях по вселенной; разве же не в нас вселенная? Глубин своего духа мы не ведаем. Внутрь идет таинственный путь. В нас или нигде - вечность с ее мирами, Прошедшее и Грядущее. Внешний мир - мир теней, он бросает свою тень в царство света. Ныне нам мнится, что внутри так темно, одиноко, безобразно. Но как совершенно иначе нам будет казаться, если пройдет это затмение и призрачное тело будет сброшено. Мы будем наслаждаться больше, чем когда-нибудь: ибо наш дух не имеет потребности.

Все законченное выражает не только себя самоё, оно выражает и весь сродный мир. Потому, вокруг законченного всякого рода реет покрывало Вечной Девы, которое от легчайшего прикосновения обращается в магический пар, что становится облачной колесницей провидца. Это не только древнее изваяние, которое видим мы. Оно - одновременно и небо, и подзорная труба, и неподвижная звезда и посему - истинное откровение.

...

Всякое начало жизни должно быть антимеханичным, могучим прорывом, сопротивлением механизму; абсолютная материя - первичная стихия духа = душе. Вся жизнь - это непрерывный поток. Жизнь происходит от жизни и далее так... Высшее объяснение жизни.

Поэзия растворяет чуждое бытие в своем.

В настоящих поэмах нет другого единства, кроме единства души.

Не есть ли объятие нечто подобное вечеру?

У древних религия была уже в известной степени тем, чем она должна стать у нас - практической поэзией.

Дух всегда является только в чуждом воздушном образе.

Мы ищем всюду Безусловное, а находим всегда только вещи.

Кто знает, какой возвышенный символ есть кровь? Мерзость органических составных частей заставляет именно заключить об очень возвышенном в них. Мы, как перед призраками, содрогаясь пред ними и с детским ужасом чуем в этой странной смеси таинственный мир, что должен был быть старым знакомым.

Человек: Метафора.

Инстинкт есть искусство без намерения.

Экстаз - внутренний световой феномен = интеллектуальному созерцанию.

Как мне кажется, всюду лежит в основе грамматическая мистика, которая очень легко могла возбуждать первое удивление по поводу языка и письмен. (Дикие народы и поныне считают еще письма волшебством).

Язык - это Дельфы.

Внешность есть возведенное в состояние тайны внутреннее существо. (Может быть и наоборот.)

Истинный поэт - всеведущ; он - действительный мир в малом.

Поэты в одно и то же время изоляторы и проводники поэтического тока.

Поэт и жрец были вначале едины, и только позднейшие времена их разделили. Но истинный поэт всегда оставался жрецом так же, как и истинный жрец - поэтом. И не должно ли Грядущее вновь вернуть древнее состояние вещей?

Лирическое стихотворение для героев, оно создает героев. Эпическое стихотворение для людей. Герой лиричен, человек эпичен, гений драматичен. Мужчина лиричен, женщина эпична, брак драматичен.

Лирическое стихотворение - это хор в драме жизни - мира. Лирические поэты суть некий из юности и старости, радости, рока и мудрости смешанный мило хор.

Настоящая сказка должна быть в одно и то же время пророческим, идеальным, абсолютно необходимым изображением.

Истинный творец сказки есть провидец Грядущего.

Если перелагают некоторые стихотворения на музыку, отчего же музыку не перелагают на поэзию?

Эпитеты суть поэтические имена существительные.

Нет ничего поэтичней, чем воспоминание и предчувствие или представление о Грядущем. Представления о древних временах нас влекут к умиранию, к улетученью. Представления о Грядущем вынуждают нас к животворению, воплощению, к уподобляющей действительности. Потому всякое воспоминание грустно, всякое предчувствие радостно. Первое умеряет слишком большую жизненность, второе вздымает слабую жизнь. Обычайное Настоящее посредством ограничения связывает Прошедшее и Грядущее. Возникает соприкосновенность, а через окоснение кристаллизация. Но есть духовное Настоящее, которое отождествляет то и другое через растворение, и это смешение есть стихия, атмосфера поэта.

...

Желания и вожделения - это крылья. Есть желания и вожделения, которые столь мало соразмерны с состоянием нашей земной жизни, что мы можем точно

заклучить о состоянии, в котором они станут мощными взмахами, о стихии, что их вздымет и об островах, где они смогут спуститься.

Отрывочные мысли суть созерцания и ощущения - следовательно, тела.

О достойном любви предмете мы не можем достаточно послушаться, достаточно наговориться. Мы радуемся всякому новому, меткому, возвеличивающему слову. И не от нас это зависит, что он не становится предметом всех предметов.

Если сильно любят, то по слову распускается в нашем внутреннем существе действительный, видимый мир.

Любовь - это непременно болезнь: поэтому чудесное значение христианства.

Ребенок - это любовь, ставшая зримой. – Мы сами - сделавшийся зримым росток любви между природой и духом или искусством.

Никогда не следует признаваться себе в том, что любишь самого себя. Тайна этого признания есть жизненный принцип единственно истинной и вечной любви. Первый поцелуй в этом тайном сношении есть принцип философии, возникновение нового мира, начало абсолютного времячисления, утверждение бесконечно возрастающего самосоюза. Кому бы не понравилась философия, чья проросль есть первый поцелуй?

Человек - это солнце, его чувства – его планеты.

Нет ничего отрадней, как говорить о наших желаниях, если они уже исполняются.

Все, что можно мыслить, мыслит само: есть проблема мышления.

Что любят, то находят повсюду, и везде видят сходства. Чем больше любовь, тем шире и многообразней этот сходный мир. Моя возлюбленная - это аббревиатура вселенной, вселенная - злонгатура моей возлюбленной. Другу наук все они предлагают цветы и подарки для его возлюбленной.

...

Всякий метод есть ритм: если кто овладел ритмом мира, это значит, что он овладел миром. У всякого человека есть свой индивидуальный ритм. Алгебра - это поэзия. Ритмическое чувство есть гений.

Все доказуемо = все антиномично.

Существует сфера, где всякое доказательство есть круг или ошибка, где ничто не доказуемо; это есть сфера сотворенного Золотого Века. Полярная сфера и сфера Золотого Века также гармонируют. Я реализую Золотой Век в то время, как я созидаю полярную сферу. В сфере Золотого Века я - без сознания, поскольку я в полярной - без сознания и с сознанием. Итак, я тоже природа и дух, лишь одновременно без сознания – и лишь одновременно с сознанием - и то и другое, и война и мир, только одновременно без сознания и только одновременно с сознанием.

Поэт понимает природу лучше, чем какой-нибудь ученый.

Для нас Новый Завет - это книга, запечатанная семью печатями.

*Время есть внутреннее пространство. – Пространство - внешнее время.
[Синтез последнего]. Всякое тело имеет свое время, всякое время - свое тело.*

Тело, душа и дух - это стихии мира – как эпос, лирика и драма - стихотворения.

...

*Прекрасная тайна девы, что именно делает ее столь несказанно
привлекательной - это предчувствие материнства, предчувствие будущего мира,
который в ней дремлет и должен из нее развиться. Она - разительный подобень
Грядущего.*

...

*Времена года, дня, жизнь и судьбы – все они достаточно замечательны, всецело
ритмичны, метричны, в лад. В всех ремеслах и искусствах, во всех снарядах,
органических телах, в наших каждодневных занятиях, всюду: р и т м , м е т р , л а д ,
н а п е в . Все, что делаем с известной сноровкой, мы делаем это незаметно
ритмически. Ритм находится повсюду, всюду вкрадывается. Всякий механизм
метричен, ритмичен.*

...

*Сказка есть как бы сновидение, без связи, совокупность чудесных вещей и
происшествий, например, музыкальная фантазия, гармонические ряды Эоловой арфы,
сама природа.*

...

Ничто так не поэтично, как всякие переходы и разнородные смешения.

Не должно ли вдохновение у женщины выражаться беременностью?

*Вечерние сумерки всегда грустное, тогда как сумерки утра всегда радостный,
полный ожидания час.*

Мышление есть воление или воление – мышление.

*Воскрешение чуждого сознания, животворение чуждой личности во внутренней
душе - для потребности брака.*

*Писать стихи - это рождать. Всякое стихотворение должно быть живой
особью.*

*Все искусства и науки покоятся на частичных гармониях. (Поэты, Безумцы,
Святые, Пророки).*

*Жизнь образованного человека должна чередоваться музыкой и не-музыкой,
просто так, как сон - бодрствованием.*

Глаза есть орган речи чувства. Видимые предметы суть выражения чувств.

Смерть - это романтизирующее начало нашей жизни.

Смерть есть - жизнь †. - Смертию укрепляется жизнь.

*Поэзия есть база общины так же, как добродетель - база государства. Религия
есть смешение поэзии и добродетели – итак, угадайте, - какая база?*

Это только от слабости наших органов и от самоприкосания, что не можем мы узреть себя в фейном мире. Все сказки – только сны о том родном мире, что всюду и нигде. Высшие силы в нас, которые однажды, как гении, сотворят нашу волю, - ныне музы, укрепляющие нас на трудном пути милыми воспоминаниями.

Истина - вымысел или марево.

Светлые цветы - ребенку, ветви - юноше, мужу - посох и темные цветы - старцу.

Если видишь великана, то нужно раньше исследовать положение солнца и обратить внимание, не есть ли это тень пигмея. (Об огромных влияниях малого. Не объяснимы ли все они как исполинская тень пигмея?).

Истина есть с о в е р ш е н н а я ошибка, точно так же, как здоровье с о в е р ш е н н а я болезнь.

...

Вся жизнь наша - богослужение.

Всякое благо в мире есть непосредственная деятельность Бога.

В каждом человеке мне может явиться Бог.

Быть может мышление есть слишком быстрая, слишком огромная сила, чтобы быть действенной; или, может быть, вещи слишком хорошие проводники (или непроводники?) мыслительной силы.

Всякая философия, или наука науки, есть критика. Идея о философии - это схема Будущего.

Догматично, если я говорю, что нет Бога, нет науки, нет вещи в себе; критически я могу сказать только: теперь нет для меня такого существа, есть существо только измышленное. Всякая иллюзия так же существенна для истины, как тело для души. Ошибка - это необходимое орудие истины. Ошибкой я создаю истину; совершенное пользование ошибкой - совершенное обладание истиной.

Всякий синтез, всякая прогрессия или переход, начинается с иллюзии. Я вижу вне себя то, что - во мне, - верю, что случилось уже то, что я делаю только сейчас и так далее. Ошибка времени и пространства.

Взгляд (речь), прикосновение рук, поцелуй, прикосновение груди, объятие, - это ступени лестницы, по которой спускается душа; ей противоположна лестница, по которой тело восходит до объятия.

Дева - это вечное, женственное дитя. Девочка, которая уже больше не настоящее дитя, перестает быть девой. (Не все дети - дети).

Для религии суеверие более необходимо, чем это обыкновенно полагают.

Молитва, или религиозная мысль, состоит из троекратно восходящей, неделимой абстракции, или предложения. Всякий предмет может быть для религиозного человека храмом [templum] в смысле авгуров. Дух этого храма есть всесущий верховный жрец, единобожный посредник, находящийся один в непосредственном отношении к Божеству.

Личностная душа должна стать согласной с Мировою Душой.

Природа - это окамененный волшебный город.

Луч света разбивается еще на нечто совершенно иное, чем краски. По меньшей мере, луч света способен к одушевлению, где душа тогда разбивается на краски души. Кому не вспоминается взгляд любимой?

Всякое духовное прикосновение подобно прикосновению волшебного жезла. Все может стать волшебным орудием. Но кому действия подобного прикосновения кажутся столь баснословны, действия волшебного присловья столь дивны, пусть тот вспомнит только о первом прикосновении руки своей любимой, о первом ее, значительном взгляде, в чем волшебный жезл, есть осколок светового луча, о первом поцелуе, о первом слове любви, и пусть спросит себя, не баснословны ли также и волшебны, неразрывны и вечны власть и волиба этих мгновений.

Уже совесть показывает наше соотношение, связанность (возможность перехода) с каким-то другим миром - внутреннюю, независимую мощь и состояние вне общей индивидуальности.

Чрез сопряжение можно словами творить чудеса.

Есть только Единый храм в мире и это – человеческое тело. Нет ничего священной, чем этот высокий образ. Низкий поклон пред человеком есть присяга на верность этому откровению во плоти. (Божеское почитание Лингама, груди, изваяний). Касаются неба, если прикасаются к человеческому телу.

Мир есть всеобщий троп духа, символический образ его.

Безумие и колдовство очень схожи. Кудесник – это художник безумия.

Законы суть необходимые следствия мышления или несовершенной науки.

Все случаи нашей жизни - это материалы, из которых мы можем делать, что хотим. Кто богат духом, тот делает много из своей жизни. Всякое знакомство, всякое происшествие было бы для всецело вдохновенного человека первым звеном бесконечной вереницы, началом бесконечного романа.

Буква есть то же, что храм или памятник; без особого значения он, конечно, мертв. (О превращении духа в буквы).

Царство поэта да будет мир, втиснутый в средоточие его времени. Его план и выполнение да будут поэтичны, т.е. поэтической природой. Он может употреблять все; он только должен его амальгамировать духом, должен из него творить Целое...

Всякая поэтическая природа есть природа. Ей надлежат все свойства последней. Так личностна она и все же так интересна...

Поэт из века в век пребывает истинным. Он устойчив в круговом движении природы. Философ изменяется в вечно-устойчивом. Вечно-устойчивое изобразимо лишь в изменчивом. Вечно-изменчивое - лишь в Неизменном, Целом, настоящем мгновении.

Чем стихотворение более лично, местно, временно, своеобразно, тем оно ближе лежит к центру поэзии. Стихотворение должно быть совершенно неисчерпаемым, как человек и меткое реченье.

Неведомое, таинственное есть следствие и начало всего. (Мы знаем, собственно, лишь то, что само себя знает). Что недоступно понимаю, то находится в несовершенном состоянии, его должно постепенно сделать понятным. Познание есть средство, чтобы опять прийти к не-познанию. Природа непостижна per se.

Чудесность математики. Она - письменное орудие, способное еще к бесконечному совершенствованию, главное доказательство симпатии и тождества природы и души.

Физический маг умеет животворить природу и обращаться с нею произвольно, как со своим телом.

Слова поэта - необычные знаки, - звуки они - волшебные слова, прекрасные группы, движущиеся вокруг себя. Как одеяния святых хранят еще чудесную силу, так иное слово, освященное каким-нибудь великолепным воспоминанием, уже стало почти стихотворением. Для поэта язык никогда не бывает слишком беден, но всегда слишком общ. Его мир - прост, как и его инструмент, но также и неисчерпаем в напевах.

...

Гений есть как бы душа души; это есть соотношение между душой и духом. Субстрат или схему гения уместно будет назвать и д о л о м ; и д о л есть подобие человека.

Всякий существенный спор есть марево; потому вопрос об идеализме и реализме - вопрос столь глупый, кажущийся, но потому и столь Иоанновский.

Мир есть во всяком случае следствие взаимодействия между мною и Божеством. Все, что есть и возникает, возникает из некоего соприкосновения духов.

Волшебнейший, вечный феномен - наше собственное бытие. Человек для самого себя - величайшая тайна. Разрешение этого бесконечного задания на деле есть вселенская история.

Нет, это не пестрые краски, веселые звуки и теплый воздух, которые нас так вдохновляют весною. Это безмолвный, вещающий дух бесконечных надежий, некое чужие многих радостных дней, здорового бытия столь многообразных природе, предчувствие высшего, вечного цвета и плодов и темная, взаимная симпатия к содружно распускающемуся миру.

Брихадараньяка-Упанишада, III, 7

Прочитайте фрагмент одного из древнейших философских текстов –

Брихадараньяка-Упанишады (3 глава, 7 седьмая брахмана), и ответьте на вопросы:

1. Кто такой «внутренний правитель» - Атман? Можно ли сказать, что образ

Атмана – это попытка выразить исходный философско-поэтический опыт странности, сторонности?

2. Как связан образ Атмана и стремление к бессмертию? В каком смысле бессмертие может быть целью (или содержанием) философствования?
3. Почему об Атмане говорится, что он – нить, связывающая между собою все миры?
4. Атман пребывает внутри или снаружи всего существующего? Для чего о нём говорится одновременно как об отличном от всего и как о том, кто изнутри правит всем?

1. Тогда Уддалака Аруни стал спрашивать его. "Яджнявалкья, – сказал он, – мы жили среди мадров в доме Патанчалы Капья, изучая обряд жертвоприношения. У него была жена, одержимая гандхарвой. Мы спросили этого [гандхарву]: "Кто ты?" Он сказал: "Кабандха Атхарвана". Он сказал Патанчалье Капье и изучающим обряды жертвоприношения: "Знаешь ли ты, Капья, ту нить, которой связаны и этот мир, и тот мир, и все существа?" Патанчала Капья сказал: "Я не знаю ее, почтенный". Он сказал Патанчале Капье и изучающим обряды жертвоприношения: "Знаешь ли ты, Капья, того внутреннего правителя, который правит изнутри и этим миром, и тем миром, и всеми существами?" Патанчала Капья сказал: "Я не знаю его, почтенный". Он сказал Патанчале Капье и изучающим обряды жертвоприношения: "Поистине, Капья, кто знает эту нить и этого внутреннего правителя, тот знает Брахмана, тот знает миры, тот знает богов, тот знает веды, тот знает существ, тот знает Атмана, тот знает все". Так он сказал им. Я знаю это. И если ты, Яджнявалкья, увел брахманских коров, не зная этой нити и этого внутреннего правителя, то у тебя отвалится голова". [Яджнявалкья ответил:] "Я знаю, Гаутама, эту нить и этого внутреннего правителя". – "Всякий может сказать: "Я знаю, я знаю". Расскажи то, что ты знаешь".

2. Он сказал: "Поистине, Гаутама, эта нить – ветер. Поистине, ветром, Гаутама, [словно] нитью, связаны и этот мир, и тот мир, и все существа. Поистине, Гаутама, и говорят поэтому об умершем человеке, что члены его лишены связи – ведь они связаны, Гаутама, ветром, [словно] нитью". – "Это так, Яджнявалкья. Расскажи о внутреннем правителе".

3. [Яджнявалкья сказал:] "Тот, кто, находясь в земле, отличен от земли, кого земля не знает, чье тело – земля, кто изнутри правит землей, – это твой Атман, внутренний правитель, бессмертный.

4. Тот, кто, находясь в воде, отличен от воды, кого вода не знает, чье тело – вода, кто изнутри правит водой, – это твой Атман, внутренний правитель, бессмертный.

5. Тот, кто, находясь в огне, отличен от огня, кого огонь не знает, чье тело – огонь, кто изнутри правит огнем, – это твой Атман, внутренний правитель, бессмертный.

6. Тот, кто, находясь в воздушном пространстве, отличен от воздушного пространства, кого воздушное пространство не знает, чье тело – воздушное

пространство, кто изнутри правит воздушным пространством, – это твой Атман, внутренний правитель, бессмертный.

7. Тот, кто, находясь в ветре, отличен от ветра, кого ветер не знает, чье тело – ветер, кто изнутри правит ветром, – это твой Атман, внутренний правитель, бессмертный.

8. Тот, кто, находясь в небе, отличен от неба, кого небо не знает, чье тело – небо, кто изнутри правит небом, – это твой Атман, внутренний правитель, бессмертный.

9. Тот, кто, находясь в солнце, отличен от солнца, кого солнце не знает, чье тело – солнце, кто изнутри правит солнцем, – это твой Атман, внутренний правитель, бессмертный.

10. Тот, кто, находясь в странах света, отличен от стран света, кого страны света не знают, чье тело – страны света, кто изнутри правит странами света, – это твой Атман, внутренний правитель, бессмертный.

11. Тот, кто, находясь в луне и звездах, отличен от луны и звезд, кого луна и звезды не знают, чье тело – луна и звезды, кто изнутри правит луной и звездами, – это твой Атман, внутренний правитель, бессмертный.

12. Тот, кто, находясь в пространстве, отличен от пространства, кого пространство не знает, чье тело – пространство, кто изнутри правит пространством, это твой Атман, внутренний правитель, бессмертный.

13. Тот, кто, находясь в темноте, отличен от темноты, кого темнота не знает, чье тело – темнота, кто изнутри правит темнотой, – это твой Атман, внутренний правитель, бессмертный.

14. Тот, кто, находясь в свете, отличен от света, кого свет не знает, чье тело – свет, кто изнутри правит светом, – это твой Атман, внутренний правитель, бессмертный. Это относительно божеств, теперь – относительно существ.

15. Тот, кто, находясь во всех существах, отличен от всех существ, кого все существа не знают, чье тело – все существа, кто изнутри правит всеми существами, – это твой Атман, внутренний правитель, бессмертный. Это относительно существ, теперь – относительно тела.

16. Тот, кто, находясь в дыхании, отличен от дыхания, кого дыхание не знает, чье тело – дыхание, кто изнутри правит дыханием, – это твой Атман, внутренний правитель, бессмертный.

17. Тот, кто, находясь в речи, отличен от речи, кого речь не знает, чье тело – речь, кто изнутри правит речью, – это твой Атман, внутренний правитель, бессмертный.

18. Тот, кто, находясь в глазу, отличен от глаза, кого глаз не знает, чье тело – глаз, кто изнутри правит глазом, – это твой Атман, внутренний правитель, бессмертный.

19. Тот, кто, находясь в ухе, отличен от уха, кого ухо не знает, чье тело – ухо, кто изнутри правит ухом, – это твой Атман, внутренний правитель бессмертный.

20. Тот, кто, находясь в разуме, отличен от разума, кого разум не знает, чье тело –

разум, кто изнутри правит разумом, – это твой Атман, внутренний правитель, бессмертный.

21. Тот, кто, находясь в коже, отличен от кожи, кого кожа не знает, чье тело – кожа, кто изнутри правит кожей, – это твой Атман, внутренний правитель, бессмертный.

22. Тот, кто, находясь в познании, отличен от познания, кого познание не знает, чье тело – познание, кто изнутри правит познанием, – это твой Атман, внутренний правитель, бессмертный.

23. Тот, кто, находясь в семени, отличен от семени, кого семя не знает, чье тело – семя, кто изнутри правит семенем, – это твой Атман, внутренний правитель, бессмертный. Невидимый, он видит, неслышимый – слышит, немислимый – мыслит, непознаваемый – познает. Нет другого, кто видит, кроме него; нет другого, кто слышит, кроме него; нет другого, кто мыслит, кроме него; нет другого, кто познает, кроме него. Это – твой Атман, внутренний правитель, бессмертный. Все остальное подвержено страданию".

Ж.Л. Марион. Идол и дистанция.

Прочитайте фрагмент из работы французского философа Ж.Л. Мариона «Идол и дистанция» в котором он предлагает свою интерпретацию гимна Патмос и отношений близости и дистанции между божественным и человеческим, и ответьте на вопросы:

1. Что называет Ж.Л. Марион «хвалебным дискурсом»? В чём его отличие от обычного дискурса? Почему именно Гельдерлин выбран в качестве образа такого поэта, который способен к такому дискурсу?
2. Как связаны таинство Евхаристии в истолковании Гельдерлина («Хлеб и вино») и дистанция по отношению к Отцу? Можно ли сказать, что удержание этой дистанции открывает нам возможность вообще любого таинства?
3. Что представляет собою именование Бога для Гельдерлина? Чем отличается такое именование от обыкновенного предикативного высказывания?
4. Как связаны далёкое и близкое в поэтической философии Гельдерлина? Бог далёк от человека или близок?

12. Обитать в дистанции

Сознавать себя сынами, благодаря удаленности Отца: таково было бы окончание гимна, если бы последняя строфа не уточняла, что терпение принимает, как поддержку и как наказ, волю Отца:

*Но всего угодней
Отцу и верховному властителю,
Чтобы чтили, храня,
Крепкую букву, и выстоявшее верно
Толковали.
Патмос*

Буква должна пребывать, как пребывает в испытании удаленностью «выстоявшее (bestehendes)». Дело в том, что Писание, в необоримой недостаточности замкнутого текста, нельзя читать как окаменевшую речь, которую Отец мог бы оживить или оживил бы своей властью, если бы пожелал. Напротив, ничто не указывает очевиднее на происхождение Писания от Отца, чем удаленность говорящего: он уходит, чтобы оставить Писание в суровости и нагоде, посреди людских слов, как молчаливый, грозный, но негромкий наказ. Отцовский наказ, ибо в нем устраняется непосредственное и настойчивое присутствие Отца: в Писании оно опосредуется наряду с прочими инстанциями, скрываясь завесой. Это отцовская речь, ибо автор отделяет себя от нее и устраняется, дабы исчезнуть — или, вернее, явиться — в облике Отца. Буква хранит в речи то, что воля хранит в присутствии: возможность общения в различии, в дистанции. Поскольку Отец устраняется из Писания, оно становится для нас отеческим, то есть местом, где можно обитать, как в «отечестве». Будучи отеческим через удаленность, оно становится для нас священным. «Льется от Писания тихий свет» (171, 194) и таким образом являет через постоянную бедность своих велений свою силу, никогда не предлагая, на зависть другим богам, иного подношения, кроме дара чистого сердца. Эсхатологическое ожидание, с его нетерпеливым и ностальгическим восклицанием: «Да, слишком, слишком долго / Невидима небесная благодать», сомнительно тем, что рискует забыть: вместе буквой в откровении дана удаленность, причем удаленность, в которой вспыхивает сдержанный свет Отца. «Отец же любит — / Тот, кто надо всем царит» (172, 223–224). Любит больше всего, продолжает поэт, чтобы мы заботились о букве. Но это нужно правильно понять: Отец любит, чтобы мы заботились о букве, только в виду того, что в ней явлено; Отец любит в своей удаленности и благодаря удаленности. Любя нас, Отец вверяет нам букву, в которой предаст Себя. «Немецкая песнь» (172, 226) должна «следовать» букве, в том смысле, в каком голос должен следовать мелодии даже вернее, чем наказу. Следовать означает: не ошибаясь и не допуская фальшивой ноты, пребывать в гармонии с тем, что пребывает, и «толковать» его. Толковать означает: через песнь «поэтически» стать толкователем того единственного, что пребывает, — знака отеческой удаленности. Так поющий соблюдает и размечает меру — ту меру, в которой человек пляшет с божеством: на расстоянии, но в верном ритме. Так эсхатологический зов изобличает последнее заблуждение — слепоту к тому факту, что высочайшее присутствие уже и окончательно, ибо тайно, наполняет человека, «следующего букве». Молчание и удаленность приводят — или позволяют привести — песнь человека в гармонию с музыкой единственного светила, ибо «отныне его беседа — с небом» (Ганимед, 68, 24).

Постоянство дистанции, а также откровение и проявление божества в фигуре Отца — таково неожиданное и драгоценное наследство, собранное для нас Гёльдерлином, пусть даже непреднамеренно. Наше время должно постараться вступить во владение этим наследством, если мы не хотим упустить предельный смысл испытания, перед которым оно нас ставит. В этом постоянстве надлежит

«обитать», следуя мере. Гёльдерлин не освобождает нас от необходимости искать пути к этому — искать в одиночку. О его собственной и неповторимой попытке «многое сказать бы можно было». Коротко отметим три вещи.

*Мы только знак, но невнятен (deutunglos) смысл,
Боли в нас нет, мы в изгнание едва ль Родной язык не забыли.
Мнемозина*

Каким образом могли бы мы «толковать» то, что пребывает, если нет знака, чтобы придать нам значение? Однако один «знак» нам дан: воспоминание о пришествии Единственного и залог Его возвращения — второго пришествия (Хлеб и вино, § 8, 94, 131–132). Так как более явное присутствие было бы для нас невыносимым, ибо в действительности «нам непосильно величье / Праздника» (95, 135–136), Его присутствие пока дано смиренно, в хлебе и вине.

*Хлеб есть плод земли, но проникнут радостью света,
И Громовержцем зачат дух благородный вина.*

Это двойное благословение земного божественным дарует нам присутствие божества как залог того, что Небесные вернуться. В опоре на этот залог наше терпеливое перенесение божественного способно породить «хвалу» (94, 142), ради которой и через которую «в тиши благодаренье живет» (94, 136). Празднование христианской Евхаристии, которое мы здесь, казалось бы, безошибочно опознаём, указывает на то, что вместе с Писанием, с нами пребывающим и нас сопровождающим, нам дана и другая подмога. Вернее сказать, Евхаристия сообщает нам сакраментальное, то есть абсолютно реальное, присутствие божества в хлебе и вине лишь в виду пути и его прохождения. Хлеб и вино благословенны потому, что мы переносим удаленность Отца: она ставит нас на путь ожидания — возвращения Сына в нас. На этом пути хлеб и вино служат нам пищей: они питают тех, кто пребывает в удаленности, а значит, пытается благоговейно «обитать» в ней. Это и есть то, что мы отныне будем называть прохождением дистанции. Подавая нам знак божественного присутствия, Евхаристия толкует нас и тем самым придает нам смысл. Во вновь обретенной таким образом боли мы пребываем бодрствующими, внимательными к пребывающему, дабы воздать ему хвалу в верном истолковании. Тем самым мы предвещаем пришествие Сына в нас, а затем — в Его собственном облике. «Хвала»: никакое другое слово не способно риторически почтить божество.

*Но, освящая трапезу, кого назову? И кому же
В час окончания труда мне благодарность принести?
Вышнего ль я назову?»
Возвращение*

Подобает ли божеству именование? Именованье означает, как мы бы сказали, предцифровать, или формулировать категориальные высказывания, предполагать некий объект, относительно которого язык строит истинные высказывания, то есть устанавливает для него исчерпывающую меру в формализованном и аксиматизированном языке. Но может ли Бог, отеческий облик коего является дистанция, — может ли Он открыться в непосредственной близости — тривиальной или стихийной, не важно, — в силу которой Он сделался бы объектом дискурса и не исчез бы при этом как Бог удаленности? Да и способны ли мы вынести подобную непосредственную близость с Небесными, их силу и «радость»?

*Господь недостойных не любит.
Наша радость мала, чтобы к Нему достичь.*

Недостойным (Unschickliches), то есть не подобающим нашей судьбе, было бы притязать на то, чтобы посредством языка втянуть Бога в непосредственное отношение с человеческим. Подобало бы с самого начала признать в удаленности божества Его отеческий облик; точно так же подобало бы в языке позволить удаленности ослабить напряженность дискурса: «Часто должны мы молчать, имен не зная священных» (99, 101). Но хотя молчание и не вправе притязать на «именование», оно отнюдь не должно выглядеть так, словно отказывается от «благословения»: даже если очевидность дистанции вынуждает к молчанию, мы, признавая дистанцию в речи, обязаны тем или иным образом ее высказать. Дабы почтить Бога молчанием, мы должны молчать перед Ним, но не замалчивать Его: нужно, чтобы речь все еще говорила, не притязая на именование, ибо в таком молчании божество более, чем когда-либо, поражает тех, кто обнаруживает себя в дистанции от Него: «Скрытый трепет сердца может ли выразить речь?» (99, 102). Пусть речь говорит, не впадая в недостойные предикации, и пусть высказывает не что иное, как признание дистанции. На это способен лишь поэт, или, вернее, человек, «поэтически обитающий» в дистанции. Ибо

*Только игра наших арф даст музыку каждому часу,
К нам приглашенных на пир только она ублажит
Вас, небожители!*

Симфоническое согласие песнопения с долями времени — вот наш единственный язык пред лицом богов: почитая дистанцию, он был бы способен хранить пространство близости. Так Даная в переводе Гёльдерлина, вопреки тому, что сказано в тексте Софокла, «отмечала отцу времени — / часовые отрезки — золотым колокольчиком» [132]. Так и возданная Богу речь воспевает, то есть восхваляет. Уклоняясь от любого категориального высказывания, божественные имена имеют ценность лишь постольку, поскольку воспроизводятся в хвалебном дискурсе. Так Гёльдерлин вписывает себя в собственно богословское средоточие того, что, в своих лучших проявлениях, служит источником так называемого (и, как мы увидим, называемого неверно) «отрицательного богословия».

Нужно коротко затронуть и еще один, последний пункт. В том состоянии, которое иногда с грубой прямоотой называют «сумасшествием» и в котором следовало бы целомудренно и уважительно усматривать образец душевной тишины, Гёльдерлин все еще творил; однако немного дошло до нас из этого обширного творчества. Но в нескольких десятках поразительных стихотворений некая неуловимость терминов и тем возносит наш обыденный язык на высоту почти священной речи — настолько мощной, настолько неслыханной в своей насыщенности, что, пожалуй, никто из самых великих поэтов Нового времени не достиг подобного уровня. Позволим себе больше не говорить об этом. Тем не менее, можно выдвинуть некоторые предположения, исходя из столь же определенного характера писем, относящихся к этому периоду. Что можно сказать о каждом из них? Все они, или почти все, можно привести к одной удивительной схеме, которую в явном виде демонстрирует письмо 287: «Почтенная матушка, я имею честь вновь пожелать написать Вам. Ваши письма ко мне всегда были для меня большой радостью. Благодарю Вас за Вашу доброту ко мне. И вновь я вынужден заканчивать. Уверю Вас в моем высочайшем почтении и остаюсь (букв. «даю себя как») Ваш назойливый сын Гёльдерлин».

Что здесь удивительного? То, что письмо не передает никакой информации и никакой «идеи». Что оно означает? Оно описывает расстояние между сыном и матерью: упоминание матери открывает письмо, упоминание сына его завершает. Два прилагательных служат гиперболическим выражением сдержанности («почтенная» и «назойливый»). Затем идет признание отношения, которое выглядит тем более напряженным, что остается абстрактным и строго эпистолярным. Абстрактное отношение становится здесь самим содержанием отношения. Нет ничего более определенного и драгоценного, чем признать проявленную к себе «доброту»: «доброту», не имеющую другой субстанции, нежели эпистолярное отношение, которое само по себе пусто, ибо отсылает к другим подобным письмам. Предмет письма совпадает с голой эпистолярной функцией: отсылкой к другому знаку «я». Отсюда — предельная сжатость «писем»: «Я равно имею честь почтительно приветствовать Вас» (К матери, 306) [133]. Отношение являет себя тем определеннее, что опосредование очищает его. Отсюда — склонность писать к матери лишь через посредство Циммера, считать его необходимым посредником и драгоценным помощником, как если бы естественная связь с матерью утратила всякую собственную действенность перед непосредственностью институтированного отношения: «Пользуясь добротой г-на Циммера, предложившего мне написать к Вам...» (К матери, 248; см. письма 268, 274, 305). Посредничество управляет отношением именно потому, что отношение лицом к лицу — весьма тяжкое, хотя и необходимое, испытание и задача. Оно поглощает и истощает все силы: «Мои средства сообщения ограничиваются выражением привязанности к Вам, в ожидании, что душа моя обретет достаточно разума, дабы выразиться в словах и суметь заинтересовать Вас» (К матери, 250). Вот почему каждое письмо заключает в себе момент, в котором чисто формальное, опосредованное отношение (обращение к формулам изысканной вежливости, к Писанию, к Циммеру и т. д.) должно, тем не менее, быть прервано, ибо оно превосходит силы духа: «И вновь я вынужден заканчивать» [134]. Отношение само по себе, благодаря посредничеству и в меру нашей выносливости, имеет ценность дара. И этот дар, обозначенный в письме ключевым словом «доброта», становится тем серьезнее и торжественнее, чем более возрастает отстояние.

Дистанции, делающей возможным отношение с матерью, довольно для того, чтобы засвидетельствовать: Гёльдерлин не был «сумасшедшим» в обычном значении этого слова. При всем многообразии отношений, которые он поддерживал (письма к матери, сестре и брату; визиты друзей и почитателей), он отличался явной сдержанностью и гиперболическим смирением (отсюда — формула подписи под стихотворениями: «Со смирением, Скарданелли»). Фактически здесь в отношениях с людьми проявляется та же спокойная сдержанность, к которой поэт пришел в своем отношении к божеству. Происходящее между Гёльдерлином и его матерью воспроизводит работу дистанции между поэтом и божеством: опосредование, меру, размышление над удаленностью, хвалебный дискурс. Удаленность в отношении с матерью являет в отстоянии пламенное возвращение не до конца изжитого Эдипа, ибо удаленность в дистанции придает божественному облик Отца. Тем же «лишним глазом», какой был у Эдипа, Гёльдерлин меряет себя божественным отцовством в дистанции и своей подчеркнутой вежливостью навязывает удаленность человеческому материнству. Так обстоит дело и с прочими «социальными» отношениями. В иначе задуманном и выстроенном исследовании можно было бы проследить как материнскую сдержанность, которой вводится дистанция божества (Письма, 250, 274, 284 и т. д.), так и дистанцию божества, которой опосредуется отношение к матери (Письма, 307, 251 и т. д.) [135]. Эта двойная игра в равной мере избегает отчуждения другого от «я» и отчуждения «я» от самого себя: избегает в

*точно выверенной дистанции, оберегающей «самые потаенные мысли» в «признательности, религии и чувстве долга» (Письмо 259). Наиболее глубинным остается дистанция: ее осуществление в отношениях между людьми не поглощает и не маскирует ее подлинно божественной меры. Тем фактом, что божественное дарует себя через посредничество человека, подтверждается логика и парадокс меры. В своей смиренности, тишине и полноте помрачение, *Umpachtung*, Гёльдерлина, — помрачение, в коем он переживает «любящую ночь», — с последней ясностью свидетельствует о том, что*

*Хранить чисто и рассудительно
Бога — вот то, что нам вверено.
Ватикан*

Так наша чистота становится в дистанции достойной Бога, Его хранящей и спасительной чистоты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бибихин В.В. Грамматика поэзии. Новое русское слово / СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2009. - 592 с.
2. Гельдерлин Ф. Гиперион; Стихи; Письма / Фридрих Гельдерлин ; изд. подгот. Н.Т. Беляева .— Москва : Наука, 1988. - 717 с.
3. Марион Ж.Л. Идол и дистанция / пер. с фр. Г. Вдовиной, М.: Издание Института философии, теологии и истории св. Фомы, 2009. - 292 с.
4. Новалис. Фрагменты / пер. с нем. А.Л. Вольского, СПб.: «Владимир Даль», 2014. – 319 с.
5. Рильке Р.М. Избранные сочинения / Р.М. Рильке; Редкол.: И.Б. Бачкало и др. - М.: Рипол Классик, 1998. - 701с.
6. Упанишады: в 3-х кн. / пер., пред. и комм. А.Я. Сыркина, М.: Главная редакция восточной литературы «Наука», научно-издательский центр «Ладомир», 1992. - (кн.1 240 с., кн.2 336 с., кн.3 256 с.)
7. Хайдеггер М. Разъяснения к поэзии Гельдерлина / пер. с нем. Г.Б. Ноткина, СПб.: Академический проект, 2003. - 320 с.